

Позвонил мне недавно друг детства и огорошил с ходу:

– Палыч, да ты, оказывается, лох!

Дружим мы с ним давно – с первого класса и в шутках друг над другом не церемонимся особо, но в тот момент я всё-таки немножечко напрыгся:

– А у тебя информация точная? – спросил от скрытого возмущения почти вкрадчиво.

– Точней не бывает! – ответил дружок радостным голосом и «погнул» свою линию дальше – Ты уж извини, но факт этот стал достоянием широкой общественности.

– Обидно, – говорю, – что я узнаю такие новости последним!

– Могу источник назвать...

– Сделай одолжение!

– На стене нового автомобильного аршинными буквами против твоей фамилии значится – лох!

А-а, вот откуда ветер дует... Возле автомобильного магазина живёт мой девятилетний сын Арсений со своей матерью и, стало быть, моей бывшей женой. Видимо, дружки его так монументально подшутили.

Забавно, что я получил «чёрную метку», напоминающую вымазанные в старину дёгтем ворота, по касательной, через сына. Как говорится: «сын за отца не отвечает», а отец за сына – в обязательном порядке.

Кстати, и к отцу моему тоже мо-

жет прилипнуть «метка» – мы же одна с ним родственная цепочка. Увидит надпись кто-нибудь из его знакомых и позвонит: «Павел Фёдорович, ты что – лох?»

А дальше? Дальше, в смысле цепочки, дед мой и прадед причисляются в нашу «помеченную» семейную компанию. Или нет? Думаю, что по праву старших родичей они, возможно, как-то за нами присматривают с небес. И хоть в настоящее время они – небожители, им, наверное, и на вечном покое не всё равно, когда своих обижают.

Не хотелось бы их подвести...

Деда своего я никогда не видел и прадеда тоже. Хотя отец и возил меня в двухлетнем возрасте к своим родным местам: в село Летниково на берегу речушки Чапаевки, возвеличенной из своей степной простоты слиянием с Волгой. Но ко времени нашего приезда и дед мой Фёдор, и прадед Матвей упокоились под берёзовыми крестами на деревенском погосте. Есть там просторный участок за общей оградкой, где на памятниках значится в основном наша фамилия (та самая, что и на стене автомобильного магазина).

Только сказать, что я совсем не знаю прадеда Матвея Павловича и деда Фёдора Матвеевича, нельзя – я знаком с ними через своего отца Павла Фёдоровича. Был я ещё мальчишкой, лет пяти-семи, а в те

годы отец уже вёл со мной разговоры о наших с ним предках по мужской линии. О том, что никто из них, несмотря на жизнь многотрудную, выпавшую на их долю, не уронил достоинства нашей фамилии. И пусть она, фамилия наша, никакая не дворянская, а самая обычная, каких множество, принадлежащая русской семье поволжских крестьян, всё равно марасть её считалось делом самым негожим. Так, видимо, в семье издавна заведено, от бытности Матвея Павловича, во всяком случае...

Из каких-то обрывочных воспоминаний и впечатлений в сознании часто всплывает придуманное мною, составленное как фоторобот с отцовских слов лицо прадеда: седые длинные волосы, седая же борода лопатой длиною ниже груди, крупный нос – наш, фамильный. И роста высокого, примерно, как я (а я в родне отцовской – выше всех, кого знаю). Вижу его напаренного (прадед любил, надев шапку и рукавицы, похлестаться берёзовым венчиком), сидящего в остром предбаннике в чистом исподнем и пьющего четвёртый, а то и пятый стакан чая с маленьким кусочком сахара вприкуску. Почему-то мне кажется, что чаёк вкушал он из гранёного стакана с металлическим подстаканником, хотя откуда бы в деревне да такая роскошь.

К слову сказать, прадед Матвей промеж односельчан на то время выделялся образованностью и начитанностью. Владел он свободно старославянским языком и, когда вошёл в зрелый возраст, помимо дел своих крестьянских подвизался прирабатывать псаломщиком в сельской церкви. И ещё всю жизнь, пока глаза видели, читал. Причём

читал порой такие неожиданные книги, что для села, по всем меркам, значились как не совсем подходящие.

– ...Сидим мы с дедом Матвеем на бережку, – мне, пацану малому, пересказывал отец истории, поведанные ему в его собственном детстве Матвеем Павловичем. – Пескарей удим, а он рассказ свой ведёт: «Вот слушай, Павлик, инженер один, ещё сто лет тому, сделал такую лодку подводную, что могла плавать вокруг света. Ходили оне ватагой на той лодке и в северных морях, и в южных, и везде, где доведётся. И был с ними случай такой: приплыла лодка эта в страну, где жили туземцы – дикие племена. Хотел капитан с туземцами поговорить, что, мол, с добром к ним явились, а те давай стрелами в них метать и копыя в капитана и матросов бросать. А лодку подводную, стало быть, захватить захотели. Побежали дикари по трапу, а капитан ток пустил по поручням – туземцы всей оравой в воду и попадали...»

– Пап, – поражённый своей догадкой, перебил я отца, – это же из книжки «Двадцать тысяч льё под водой» Жюль Верна! Неужели прадед знал этот роман?

– Я тебе передаю всё, как было, – видя мой неподдельный интерес к рассказу, с охотой подхватил отец. – Ты сам и додумай дальше! Это ещё малая часть его познаний. Память у него до глубокой старости была крепкая, и первым делом молитвенное песнопение у него имелось на все чтимые тогда праздники: Рождество, Пасху, Троицу... Голос у деда был не такой сильный, как вот у певцов, скажем, но глубокий и задушевный:

Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть попр в
И сущим во гробех живот д ров в.
Воскресения день, просветимся,
людие:

П с х , Господня П с х !
От смерти бо к жизни
и от земли к небеси
Христос Бог н с преведе,
победную поющия.

Отец, прищурив, почти совсем закрыв глаза, пропевал мне кусочек из пасхального богослужения, и я, воодушевлённый непривычной мелодикой и не совсем понятными словами, успевал увидеть в отце, на короткие мгновения, совсем другого человека. И он тоже, видимо, ощутив в себе некую искру, продолжал свой рассказ более благостно.

О том, что Библию прадед знал почти наизусть, и о том, как от него же отец про восстание Спартака первый раз в жизни услышал, и про Пугачёвский бунт, о полководцах Суворове и Кутузове, про смуты русские, о Минине и Пожарском, да не перечесть всего.

– Он вообще, дед мой, а твой прадед, рассказчик был занятный, – говорил отец. – Летом, ладно, детворе не до баек, мы домой-то не загонялись почти, да и война шла, голодно было. Как могли, тогда мы, ребятишки, себя кормили. Каждое утро или на рыбалку шли, или сусликов выливать из нор. Поймаешь суслика, сварешь, поделишь с дружками и съешь, а шкурку его бежишь сдавать в заготпункт и на деньги те конфеты-подушечки к чаю покупаешь. Зимой, конечно, того раздолья нет. Валенки, тем более ботинки для малышни не предусмотрены – это когда ты в школу пошёл, тебе обувь справят, а пока

до школы не дорос – сиди на печи. Я к другу своему, Толику, в гости босяком бегал по снегу. Так-то вот. И темнело рано – в доме из освещения только коптилки масляные, керосин берегли как стратегический запас. Такими вот зимними вечерами любили мы с сестрёнкой меньшей, Райкой, залезть к деду на полаты и слушать истории, вычитанные им из книг, или сказания о подлинном житье-бытье...

Отец затихал на время, казалось, глубоко уходя в себя, но я, будучи не впервой слушателем его рассказов, понимал, что сейчас, ухватившись за тонкую ниточку заданной темы, он размотает весь клубок дорогих ему воспоминаний, пополнив мои знания о родичах новыми событиями. Именно пополнив, потому что детская память цепко схватывала и надёжно сохраняла поведенное мне ранее.

Дед мой на фронте находился с первых дней почти, сыновья его старшие тоже воевали – прадед остался за главного из мужиков. На войну его не взяли – по возрасту и по болезням. Прадед к тому времени сдал сильно, из дома не выходил – ноги не слушались. Году втором он совсем уже ослеп, стал почти беспомощным, многое забывал, путался... Легко, к примеру, поддавался на детские шутки, принимая крошки табака, которые внучата украдкой сыпали ему на бороду, за пронырливых клопов.

– Говорил я тебе, какие мы деду козни строили? – наконец, собравшись с мыслями, не спеша продолжал отец, словно бережно окуная меня в стоячую воду далёкого прошлого. – Ну, конечно... Но даже уличив нас с сестрёнкой в проказах, не злобился и самым силь-

нынм ругательством в наш с Райкой адрес было: «Ох вы, проваленные». А чаще всего дед звал нас поособому – зайками. Зимние вечера в деревне нередко похожи один на другой. За двойным окошком с намёрзшей ледяной коркой не углядеть ничего, только если дырочку ногтем процарапаешь, увидишь белый как молоко снег в лунном свете. Да и то, если ясно в небе. Чаще – темень, метель воеет в трубе, подбегая с ближних полей, а может, и не метель вовсе, а волки, стаей промышляющие по окраинам села. Тогда волков было множество несчётное, и тянулись они в холода поближе к жилью, в надёже на какую-нибудь поживу. Лезем мы с Райкой к деду на печь, и что нас больше гонит – то ли страх, то ли холод, – неизвестно. «Что, испугались, зайки?» – спрашивает дед, слыша, как карабкаемся мы на полати. – Бегите, бегите скорее сюда. Райка, егоза, не оборвись...» А мы с вопросом к нему сразу: «Кто это за оградой воеет, деда?» Он отвечает: «Волчки, должно быть... За овцой, никак, пожаловали. Прогнать-то их некому». Мы дальше с расспросами: «А кто их должен прогнать?» Дед нам разъясняет: «Как кто – мужики, кто же ещё-то! Да только мужиков на селе сейчас и нет никого. Всех война подмела дочиста... Раньше как – в каждой семье и на каждом дворе мужики, да не по одному. А вместе соберутся со всей деревни – вот тебе и коллективное хозяйство. По весне выйдут всей артелью пахать да сеять... Ну, бабы, конечно, тоже в работе. Смотреть любо-дорого. На что хозяйство колхозное большое, и то в полном порядке содержали. Пашенничку (дед так пшеницу именовал)

осенью сдавали в область на элеватор да себе в амбар засыпали то, что за трудодни выделено. Хором боярских не имели, но всякий хозяин прокормить мог семью не малую... А нынче что? Война всё перевернула, перепутала. Председатель колхозный, Кузьма Сергеич, воюет сын его Петька воюет... Ох и гармонист же заядлый, этот Петька! Ни одной свадьбы без него не играется и у нас в деревне, и на другом берегу реки в Славинке – тоже. Так вот, с гармонью, он и ушёл. Девки, что холостые, провожали его – пели:

Брошу косу вдоль покосу,
Я не буду стр довать.

Брошу милого, з буду,
Я не буду тосков ты.

В поле ж л и вяз л
Я овёс зелёнький.

Три р зк поцелов л,
Мил пошёл весёленький...

А теперь в деревне без Петькиной гармонии тихо стало. Батька ваш, и, стало быть, сын мой Фёдор Матвеевич, призван, братки ваши: Васька и Митька на фронте. Митьку-то вы провожали и ручонками махали, а Ваську подзабыли, поди, он как призвался в тридцать девятом, так и в отпуске ни разу не был. Васька к войне-то уже офицером был, танкистом. А Митька с учительской должности пошёл и дослужился теперь в войсках до какого-то важного звания по политической части. Вот... Мельник Иван Тюняев и трое сынов его взрослых воюют, и младший сын Витька – тоже на фронт сбежал, хоть и ему всего пятнадцать годов на Покров минуло. Из тракторной бригады да из прицепщиков, почитай, всех до единого война оформила, остались только

те, на ком броня райковская. Агроном Андрей Егорыч и тот добровольцем вызвался, хоть и возрастом он от моих лет недалёко находится – годков пятнадцать всего. Вы дядю Егорыча всяко помнить должны – родня он нам по матери вашей Варваре Егоровне. Редкий раз Егорыч пряника вам не приносил, когда гостевал у нас. Все, кто крепкие да смышлёные, на фронтах сгодились. И всего-та по деревне осталась только рухлядь старая, навроде меня или Стёпки-конюха хромого. Всё на бабьих плечах теперь, и в поле, и на своём подворье, да на парнях зелёных... Но ничего, зайки мои милые, сдюжим... Воюют наши землячки, как и положено, по совести. Я этого немца повидал и знаю... Ещё в ту германскую с ним сходились. Злой этот немец, умелый, и на войне он – на своём месте... В окопе – как карась в речке. Что уж греха таить... Одолеть его трудно. Батогом не прогнать, как пса шелудивого. Но наш русский боец, как за дело не шутя возьмётся, немца позлее будет... Не первую войну ломаем. Ещё в стародавние времена в сказе про дружину князя Игоря сложено:

З гр дите острыми стрел ми
Ворот н Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле р тном
Все з землю Русскую родную...

Из века в век на землю нашу зярятся... Да только: накося выкуси! А вот как подведём немца вражьева под кутью, так и вернутся домой мужички летниковские...»

Видимо, отцу время от времени требовались небольшие продыхи – велик был груз событий из прошлого. Он замолкал, вынимал папирску, стучал мундштуком о ко-

робку и закуривал, с некоторым облегчением выдыхая большие сиэзые клубы терпкого дыма.

То, о чём рассказывал мне отец, ощутимым смыслом отзывалось в сознании. И я невольно примерял отцовскую житуху на себя. И тёплую печь с ароматом тыквенной каши из духовки, и зимнюю ночь с воем голодных волков, и войну, которая тоже представлялась мне тьмой непроглядной, растворявшей в себе моих кровных сородичей...

– Слушаешь деда Матвея, не переслушаешь, – снова начинал разговор отец, попыхивая беломоринной. – Сестра Райка, дедова егоза разлюбезная, спит уже давно, а мне интересно всё до последнего слова. Сон не идёт, думы всякие в голову лезут. Я тогда, конечно, ещё маленький был, не понимал, что дед Матвей, ослепнув, потерял всю видимость жизни и перестроиться никак не мог. Уже ведь сорок третий год шёл, а он всё ещё видел перед собой ту картину июля сорок первого, когда мужики из деревни на фронт уходили. А за два прошедших года войны и вести разные на село долетали, и похоронки тоже не обошли наше Летниково. Петька-гармонист, сын председателей, погиб в середине октября сорок первого при обороне Москвы под городом Можайском. Сам председатель – ещё раньше, до смерти сына, в августе месяце без вести пропал, когда отступали из-под Смоленска. Да так и не объявился... Сыновья мельника Тюняева воевали в пехоте и как раз зимой той живыми-здоровыми прорывались в осаждённый Ленинград, а отец их, Иван, потерявший правую руку и ногу правую при

обороне Севастополя, лечился в госпитале где-то за Уралом. Агроном Андрей Егорыч в сорок втором погиб в уличных боях в Сталинграде и был похоронен в братской могиле на окраине города. Брат Митька, Дмитрий Фёдорович, политрук разведроты, был легко ранен несколько раз, но оставался на передовой. А под Сталинградом получил тяжёлое ранение и едва сумел со смертью разминуться. Три месяца провалялся по госпиталям, а там на ноги поставили, и опять на фронт. Второй брат Василий, которого я действительно помнил смутно, просто как человека в военной форме, не получил к тому времени ни единой царапины, ему ещё только предстояло гореть в танке на Курской дуге. Чего мы не знали тогда и знать не могли, что отец наш Фёдор Матвеевич, попавший в немецкий плен ещё в сорок первом под Вязьмой, из плена бежал. Случаем жив остался и после скитаний по тылам прибился к партизанскому отряду в Полесье. Писем от него мы не получали, но это считалось лучше, чем похоронка, так всё же надежда на чудо теплилась. Как отец вынес плен – уму непостижимо. Видимо, спасло его то, что человек он был физически крепкий и выносливый. На морозе работал: шубу, шапку скинет, рукавицы долой и – только пар от него валит... Наши: отец, и Митя, и Вася – словно взаправду с ними чудо случилось, все после войны вернулись домой, пострадавшие, израненные, но живые. А так, если на круг брать, получается, что из ушедших на фронт летниковских мужиков уцелел только каждый третий...

Папироска в отцовской руке дотлевала до бумажного мундштука,

но он, словно позабыв о ней, продолжал свои воспоминания о детстве, начавшиеся так легко и неожиданно затяжелевшие бременем военных лет.

– Дед Матвей так и продолжал видеть всех деревенских живыми и здоровыми, с руками и ногами целыми, не пораненными. И как он их видел, так им и судьбу предрекал: «Вот вернётся, скажем, председатель с фронта, что он делает перво-наперво? Конечно, сначала дело наладит по-довоенному. Работы всем будет невпроворот: и трактористам, и самое главное – агроному. Земелька-то частью гуляет, пока что не вся распахана. Пахать все поля колхозные бабы да мужички, какие есть, не успевают. А год-два не посеешь, вот тебе и сорняк сплошняком полез. Всё к прежнему порядку председатель приведёт. А потом сына своего Петьку женит. Иначе Петька, сам-то себе невесту не выберет. Где там. С его гармошкой девки за ним гурьбой пойдут, он и растеряется. Ну это, вам зайки, ещё совсем непонятно будет... Мельница сызнова заработает. Пообветшала она, конечно, пока без дела стояла, но невелика беда – поправят. А то уже бабам-то опостылело дома жернова крутить. Иван с сынами снова молотье возьмётся, а будет мука – будет и хлеба вдосталь. Забыли, зайки, поди, как хлебушко белый вкусен? Ничего, ничего, как только мельница пойдёт, будут вам пироги и пышки... Дело-то своё Иван знает и с панталыку его не собьёшь... Ох и сильный мужик этот Иван-мельник, сильнее в деревне нет никого! Один зараз два мешка с мукой загривок себе кидает и несёт ровно пушинку. Или драться затеет

ся, так держите его вятером. Да и про то вам тоже вроде бы ни к чему знать... Стало быть так... Что я хотел-то, запамятовал?.. Ах ты, проваленная!.. Да, вон что: кончим войну, и другие мужики вернутся по домам своим. Тогда, зайиньки, никакие волки и близко к деревне не подойдут...»

И опять отец на время замолкал и тянул из пачки новую папиросу.

– Как видишь, сынок, – завершал он своё повествование всегда на оптимистичной ноте, словно подводя под грустными моментами окончательную жирную черту. – В общем-то, дед Матвей прав был. Не все, конечно, вернулись, как он обещал, но победить – победили! А победа – она общая: и тех, кто в землю лёг, и тех, кто живым остался...

Таким вот образом, через подробные рассказы, которые я сначала просто терпеливо выслушивал, а затем по мере взросления всё с большим и большим интересом воспринимал, любовь и уважение отца к нашим предкам передались в свою очередь и мне. Оттого, видимо, к неизвестным мною в жизни деду Фёдору Матвеевичу и прадеду Матвею Павловичу я чувствую тепло и нежность, словно крепкие душевные нити всегда были протянуты нами друг другу.

Отец говорил, что с Матвеем Павловичем мы доподлинно похожи и внешне, и по внутренней природе своей. Надеюсь, что так оно и есть. И думаю, лучше всего подтверждает отцовское мнение то, что мы с прадедом носим единое отчество...

Отчество и Отечество – слова родственные не по корню, а по

крови. И пока будет мужицкая сила духа, сила пахаря, воина, строителя передаваться вместе с Отчеством от отца к сыну и далее – выстоит Отечество в любой беде.

Говорить о подобных вещах не принято, вот так громко, на душевном подъёме. А думать и чувствовать – да кто же запретит?

Да и не я про Отечество и Отечество додумался первым. Давно, до меня о том знали.

Но ведь не так уж важно, кто такое откроет раньше всех, главное – чтобы сердцем эту нужную правду суметь ощутить.

Приходит то чувство не сразу, не ранее того момента, как сам из мальчишки вырастаешь и своего сына на руках первый раз убаюкиваешь.

Не ранее...

Но именно тогда понимаешь, что ты не последний в этой цепочке. И то разумеешь, что сын за отца – не отвечает, а отец за сына – в обязательном порядке.

Отец за сына... Конечно! И прав оказался друг мой школьный, метя пальцем в небо, угодил он в самую десятку.

Да, видимо, я и есть тот самый лох. Во всяком случае, nepозвоительно приблизился я к этому непочётному званию, потому как, завязнув в долгих бракоразводных дразгах и в сердцах выбросив из памяти дорогу к своему бывшему дому, чуть было, не отпустил от себя сына, чуть было не упустил...

Прости Арсений... Сеня, сыночек мой маленький. Теперь настал мой черёд поведать тебе о кровных предках твоих, чтобы мог ты почувствовать нашу общую фамилию как некую приятно тяжелящую ношу на плечах.

И хоть фамилия наша никакая не дворянская, но и терпеть то, как её «полоскают» на заборе, – тоже не годится.

Так, Арсений?

Так, только так и не иначе...

Ничего, сынок, постепенно ты во всё вникнешь, чуток подрасти только. Да и девять лет-то – возраст уже вполне ответственный, значит – мотай на ус. А что пока не поймёшь, просто запомни, прими как есть.

Понимание – оно придёт позже. Ты мне поверь!

Для того чтобы не возомнить себя живущим на этой земле с чистого листа, не беря во внимание дорожку, протоптанную дедом, и прадедом, и прапрадедом тоже...

И у нас с тобой имеется очень правильное знание, чтобы поставить и укрепить твою веру в истинную суть простых вещей, – это немудрёная, крепко настоянная на многовековом опыте философия жизни моего прадеда, а твоего прапрадеда Матвея Павловича, иначе говоря, личное наше Евангелие от Матвея.